

Ольга МИШУРОВСКАЯ

СВАДЬБА КУКОЛ

Рассказ

Ира уже жалела, что поддалась на уговоры матери. Нужно было проявить твердость, найти аргументы, когда та позвонила ей в начале недели, чтобы обсудить детали переезда на дачу на время объявленных ноябрьских нерабочих дней, и сообщила, что с ними приедет Анюта.

— Не оставлять же ее одну в городе? Она у нас гостит. Неудобно.

Мать принялась сокрушаться, как же ее племянница не вовремя приехала из Хельсинки. Думала, за несколько дней оформит нужные документы и вернется обратно, а тут каждый день новые рекорды по количеству заболевших и умерших, все закрывается, и неизвестно, когда Анюта сможет закончить свои дела.

— Так пусть уезжает, — огрызнулась Ира.

— Ирина! — услышала она в трубке возмущенный голос матери. — Как ты можешь так говорить?! Она же твоя двоюродная сестра! Да еще и младшая!

Ира это слышала с самого детства, что бы Анюта ни требовала: лишнюю конфету, понравившуюся сестре игрушку или поменяться с ней местами, хотя еще пять минут назад хотела сидеть именно там. Любая прихоть Анюты выполнялась, а Ира лишь слышала в ответ на свои возражения: ты же старше, уступи.

— Я старше всего на три года, — процедила она сквозь зубы. — Не думаю, что это имеет значение, когда нам обоим за тридцать.

Но Ира уже понимала — зря сотрясает воздух. Ее родители приедут на дачу вместе с Анютой. С ней не советуются, а лишь ставят перед фактом.

— Сестрица даже не соизволила мне сама позвонить! — с раздражением говорила Ира вечером мужу Косте. — Это же ниже ее достоинства — спросить у меня разрешения приехать на мою дачу!

— Ну, формально это дом твоей матери, доставшийся ей от родителей, а они приходились бабушкой и дедушкой и Анюте тоже, — заметил Костя. — Получается, она к даче имеет отношение.

— Ничего она не имеет! — презрительно фыркнула Ира. — В детстве Анюта ненавидела дачу, став старше — приезжала из-под палки на несколько дней. Да что там говорить, она даже на похоронах деда не была и бабушку за все четыре года болезни ни разу не навестила!

— Ладно-ладно, я просто так сказал, — миролюбиво проговорил Костя. — Есть ты настолько против ее приезда, позвони матери и скажи об этом.

— И позвоню! — решительно проговорила Ира.

Она действительно собиралась так поступить. Но у старшего сына в школе заканчивалась первая четверть, нужно было закупить продукты на дачу, решить вопрос с удаленной работой, успеть свозить к стоматологу младшего, пока все еще работает. Ира закрутилась и о двоюродной сестре вспомнила лишь в день переезда на дачу. В од-

Ольга Станиславовна Мишуровская родилась в 1985 году в Мурманске. Кандидат культурологии. Публиковалась в журналах «Девушка с веслом», «Гостиная», «Север». Живет в Санкт-Петербурге.

ну машину все не помещались, пришлось менять планы. Сначала Костя отвез жену с сыновьями, потом вернулся в город за тещей, тестем и Анютой. По пути они попали в пробку, так что Ире пришлось самой открывать закрытый не так давно на зиму дом, включать газовую печь, чтобы разогнать ноябрьскую сырость, разбирать вещи, готовить перекусить, следя при этом за мальчишками, которых она выпроводила поиграть во двор.

Ира с горечью думала, что так было всегда: ее отправляли на дачу с бабушкой и дедом, а Анюта приезжала позже, когда все комнаты были проветрены и убраны, кровати застелены свежим бельем, а круглый обеденный стол на террасе покрыт вышитой по краям розами скатертью. Дед к приезду младшей внучки успевал повесить качели и натянуть между стволами берез гамак. Анюте оставалось лишь зашвырнуть рюкзак в их общую с сестрой комнату да пихнуть под кровать сумку с одеждой. А вот Ире приходилось сметать пыль, помогать перемывать посуду и убирать с окон паутину, хотя она всегда до смерти боялась пауков. Это она вместе с дедом устанавливала во дворе столбики для качелей. Тот из года в год негодовал, что приходится убирать их на зиму, а потом опять ставить — лишняя работа. А бабушка неизменно отвечала, что стоит один раз оставить, и непременно украдут. Иру злила такая несправедливость. Много раз она просила родителей привезти ее на дачу позже, вместе с Анютой, но они ее не слушали. Лишь поступив в университет, она стала приезжать за город последней, после окончания сессии, но деда тогда уже не было в живых, а бабушка тяжело болела.

Костя второй раз остановил машину у ворот. Ира с крыльца наблюдала, как из передней пассажирской двери выходит стройная загорелая Анюта. Джинсики по щиколотку, короткая курточка распахнута, на ногах белые кроссовки, зато вокруг шеи несколько раз обмотан шарф крупной вязки. Будто по магазинам пройтись собралась, а не на дачу поздней осенью.

Сестру в этот ее приезд Ира еще не видела. С того момента, как в семнадцать лет Анюта с родителями переехала в Финляндию, общение свелось к формальным поздравлениям с праздниками. Да и до этого близкими их отношения нельзя было назвать, виделись они в основном во время совместных летних каникул на даче, а в остальное время встречались только на семейных застольях. Ира всегда объясняла это разными характерами: она, серьезная и ответственная, Анюта — легкомысленная и непостоянная. Пока старшая сестра старательно училась, много работала, стремилась к лучшему, младшая порхала по жизни от одного увлечения к другому, меняя работу, место жительства, мужчин. Все, что одной давалось трудом и усердием, у другой получалось само собой, играючи. Пожалуй, единственное, в чем Ира безусловно преуспела, — в семейной жизни: крепкий брак, двое замечательных сыновей, а Анюта в ее тридцать два все еще не замужем.

Вскоре выяснилось, что разместиться им всем на небольшой даче сложно. Родителям отдали диван в гостиной, мальчики устроились в крошечной спальне с двумя узкими кроватями, Анюте пришлось уступить комнату, которую обычно занимали Ира с мужем. Им осталась только продавленная софа на летней террасе. Помещение не отапливалось, поэтому обычно в холодное время года его не использовали. Костя уже похрапывал, а Ира все не могла уснуть. Под двумя одеялами было жарко, стоило одно скинуть — начинала мерзнуть. В детстве они с Анютой делили комнату, в которой сейчас спали Ирины сыновья. Каждый год, приезжая на дачу, сестра требовала, чтобы Ира поменялась с ней кроватями. Если она успела занять ту, что у окна, Анюта уверяла: она не сможет уснуть у стены, ведь в углу может притаиться паук. А стоило Ире разложить свои вещи у стены, как Анюта немедленно отказывалась спать у окна, опасаясь, что ночью кто-то будет на нее смотреть с улицы. Взрослые этим капризам потакали, и Ире приходилось перебираться с кровати на кровать по несколько раз за лето.

Выходные прошли спокойно. Анюта была приветлива со всеми, но в домашних делах участия не принимала. Пока Ира и ее мама готовили, убрали со стола, мыли по-

суду, она сидела, уставившись в свой айфон. Если ее прямо просили помочь — помогала, но сама инициативу не проявляла. Так было и в детстве: Анюта вскакивала из-за стола и убегала играть, а стоило Ире забыть убрать за собой тарелку, как сыпались обвинения в том, что она лентяйка. Как-то раз, лет в пятнадцать, она возмутилась такой несправедливости. Ее мать, которая тогда как раз приехала на дачу на выходные, сначала отругала дочь (как той не стыдно расстраивать бабушку!), но потом, когда они остались наедине, объяснила — просто так принято в их семье. И они с сестрой были обязаны помогать по дому, и бабушка, пока не уехала учиться в город, работала в поле наравне со старшими.

— Бабушка хочет как лучше, — убеждала Иру мама. — Старается научить тебя всему, что в жизни пригодится.

— Меня хочет, а Анюту нет? — желчно поинтересовалась девушка.

Мать усмехнулась:

— Это все моя сестрица. Она с детства от работы отлынивала, уверяла, что своих детей будет воспитывать иначе. Когда Анюта чуть подросла и ее стали оставлять на даче без родителей, бабушка пыталась приобщить девочку к простым домашним делам: пыль там протереть или мусор смести. Но моя сестра раз это увидела и объявила: ее ребенка привозят сюда отдыхать. Если бабушку это не устраивает, она Анюту сейчас же заберет. Той пришлось смириться.

— Почему же ты ни разу не заступилась за меня?! — воскликнула Ира.

Мать нахмурилась.

— Говоришь так, будто обижают тебя тут! Когда же учиться всему, как не в детстве? Замуж выйдешь, спасибо скажешь. А Анюта еще наплачется из-за своей непри приспособленности к жизни.

Ира тогда мысленно с матерью согласилась. Воображение рисовало ей картины будущего: на какое-нибудь торжество в доме Анюты собирается вся семья. Та ничего приготовить не смогла, в квартире грязно, и обязательно, чтобы дети громко ревели. Анюта в панике, и тут Ира спасает ситуацию. Все ее благодарят и наконец-то признают, насколько она лучше своей никчемной двоюродной сестры. Эта фантазия еще несколько лет грела Ире душу, а потом семья ее тети уехала в другую страну, прошли годы, мир изменился. Сейчас можно заказать клининг и доставку в любое время, за тебя погуляют с собакой и заберут из школы детей. Были бы деньги. Первое время после замужества Ира пыталась играть в идеальную хозяйку, но вскоре после рождения первого сына поняла: если продолжит в том же духе, сил ни на что другое уже не останется. А с появлением второго ребенка начала настаивать, чтобы Костя делил с ней пополам домашние дела. Он делал, что ему жена говорила, а вот без напоминания не замечал ни скопившееся грязное белье, ни закончившиеся продукты, ни полное мусорное ведро. Иногда Ира представляла, в какой ужас пришла бы ее бабушка, узнай она, что муж внучки гладит и варит суп. В такие моменты ей казалось, будто она бросает вызов вековым устоям и хоть так спустя годы заступается и за саму себя.

Ира уже начала думать, что выдержит неделю на даче с двоюродной сестрой, но в понедельник поняла, насколько заблуждалась. У нее все было спланировано: Костя закроется в комнате мальчиков, чтобы провести дистанционное совещание, она сама в гостиной будет писать отчет, который нужно сдать к вечеру, отец заберет младшего внука во двор погулять, а Ирина мама будет готовить на кухне обед и следить, чтобы в соседней комнате старший внук занимался в скайпе с репетитором. Но присутствие Анюты поставило все с ног на голову. Утром оказалось, что закончилось безлактозное молоко. Без него Анюта кофе пить не может, а на обычное у нее аллергия. Ира заметила, что все детство бабушка поила их парным коровьим молоком, что покупала у соседки по даче, и ничего, но двоюродная сестра сделала вид, будто ее не слышит. Неожиданно отец Иры вызвался сходить в магазин на станцию, посмотреть есть ли там нужное

молоко, а если нет, то проехать на электричке до супермаркета. Стоило Косте закрыть дверь в комнату и начать совещание, как Анюта предложила тете прогуляться к озеру. Та согласилась, будто не обещала дочери присмотреть за внуком. Ира уговаривала младшего сына пойти с ними, но тот разревелся, вцепился ей в руку и отказался отходить от матери. Пока Ира его успокаивала, даже, нарушив свои правила, дала планшет поиграть, началось занятие у старшего. Она приоткрывала дверь в комнату, а сама села за кухонный стол к ноутбуку. Не прошло и пяти минут, как из гостиной раздался стук: младший сын решил поиграть в мяч. Следом послышался злой голос Кости. Слов Ира не разобрала, но младший из мальчиков тут же снова зарыдал. Она вышла с ним во двор, а когда они вернулись, настало время готовить обед. Родители Иры и Анюта появились одновременно, когда стол был уже накрыт.

Ближе к вечеру Ира снова попыталась поработать, но то одному члену семьи, то другому что-то от нее было нужно. Она искала свитер старшего сына и паровозик младшего, вспоминала, куда после ремонта в гостиной положили альбомы со старыми фотографиями, и звонила в доставку, чтобы им сюда привезли безлактозное молоко, которое ее отец так и не купил. Наконец закрылась на террасе, накинула на плечи одеяло и открыла файл с отчетом. Она успела написать два абзаца, когда из гостиной послышались громкие голоса и смех. Ира глубоко вздохнула и медленно выдохнула, подавляя раздражение. Нашла наушники, надела их, включила легкую музыку, надеясь, что она заглушит шум.

Тут хлопнула дверь на террасу, в проеме показался старший сын, следом младший, а над ними возвышалась улыбающаяся Анюта. Все трое что-то Ире говорили. Она вытащила наушники.

— ...Я крокодила показывал, — услышала Ира окончание фразы своего младшего ребенка.

— Давай с нами! — вторил брату старший сын.

— Не могу, милые, — с грустной улыбкой проговорила она, — у мамочки срочная работа.

Ира увидела, как разочарованно скривился старший мальчик, а у младшего снова задергались губы — верный предвестник надвигающихся слез.

Скорее всего, она бы отложила ноутбук и пошла с ними, решив, что допишет отчет ночью, но тут заговорила Анюта:

— Ой, брось, никуда твоя работа не денется! Удели время семье.

Ира почувствовала, как ее захлестывает волна злости. В тоне Анюты ей послышалось высокомерие, а в жесте — пренебрежение ко всему, что было для Иры важным. Она медленно поднялась со стула, не обратив внимания на упавшее с плеч на пол одеяло, подошла к двоюродной сестре и негромким, но полным желчи голосом проговорила:

— Очень даже моя работа может куда-то деться, как делась у многих моих знакомых с начала этого чертова коронокризиса. Именно поэтому мне приходится работать удаленно, и я буду делать это в течение всех объявленных нерабочих дней. Все шло намного быстрее, если бы не ты.

— Я-то тут при чем? — удивилась Анюта.

— При всем! Ты приехала без приглашения, разрушила мои планы, испортила все, как делаешь всегда!

Ира осознавала, что кричит. Видела, как лица сыновей стали испуганными, слышала воцарившуюся в гостиной тишину. Лишь бы Анюта сейчас промолчала! Тогда Ира сможет списать свой срыв на усталость, нервы, напряжение последнего времени и попытается спасти вечер. Вот только Анюта с детства не могла позволить, чтобы последнее слово оставалось не за ней.

— Что же я испортила? — с искренним недоумением спросила она.

В голове Иры промелькнули десятки случаев, когда ей приходилось уступать, соглашаться, идти на поводу у прихотей двоюродной сестры. Она сейчас могла бы припомнить Анюте их все, но процедила сквозь зубы лишь два слова:

— Свадьба кукол.

Анюта собиралась что-то ответить, но Ира дожидаться не стала. Отодвинув в сторону сыновей, она быстро прошла через гостиную, не глядя в сторону примолкших родителей, пронеслась мимо замершего в дверях кухни с чашкой в руке мужа и, схватив с вешалки куртку, выбежала на улицу. Одедась она уже во дворе. Постояла пару минут, вдыхая прохладный вечерний воздух, ждала, не пойдет ли кто-то за ней. Никто не появился. Тогда Ира запахнула куртку и, выйдя из калитки, свернула на узкую тропинку, что вела к озеру.

Ира не могла объяснить, почему именно сейчас в памяти всплыло то лето, когда она решила устроить свадьбу кукол. Это был девяносто пятый год. Ира хорошо запомнила, как мама тогда не разрешила взять с собой на дачу игрушки, потому что в том мае девочке исполнилось десять лет, а значит, она уже большая. Вместо кукол и плюшевых зверей пришлось складывать в рюкзак книжки и учебники с заданиями на лето. Зато Анюта игрушки привезла. Вечером в день своего приезда она разложила их на кровати в их с Ирой комнате. Там были потрепанный одноглазый заяц, Анютин любимец, миниатюрный пушистый котенок, коллекция фигурок бегемотов из «Киндерсюрприз», но самое главное — новенькие Барби и Кен. У Иры тоже была Барби, и она этим очень гордилась. Но Кена в пару ей так и не купили, так что все мужские роли в играх выполнял бесполоый пластиковый пупс.

— Мне их на окончание детского сада подарили, — сообщила Анюта.

У Иры было желание ответить на это сестре, что для окончания детского сада прилагать никаких усилий не нужно, так что и гордиться здесь нечем. Но решила промолчать. Иначе Анюта обидится и нажалуется бабушке. А Ире хотелось рассмотреть кукол сестры. Она аккуратно провела рукой по блестящим золотистым волосам Барби, поправила на ней короткое голубое платье, потом потрогала резиновую голову Кена.

— Смотри, что у него есть, — Анюта хихикнула и чуть спустила штаны с друга Барби, демонстрируя пластиковый намек на мужские гениталии.

Старшая сестра скривилась, давая понять, что она уже взрослая для таких детских забав, хотя сама минуту назад собиралась сделать то же самое.

Тогда у Иры и появилась эта идея — устроить свадьбу кукол. Анюта пришла в восторг от задумки. Хотела сразу же начать игру, но Ира остановила ее. Нужно подготовиться, чтобы все было серьезно, по-настоящему, как в сериалах показывают. Начали с выбора даты. Долго спорили, пока не сошлись на первом июля. Потом перешли к свадебному платью для Барби. Анюта не понимала, чем плохо то, что уже есть, но Ира настаивала: наряд должен быть белым и обязательно с фатой. Неожиданно им на помощь пришла бабушка: отдала часть старой тюлевой занавески и даже помогла вырезать детали будущего платья.

— Мы тоже в детстве куклам одежду шили, — проговорила бабушка, глядя, как старшая внучка делает неровные стежки белыми нитками. — Кукла у нас с сестрами была одна на троих, зато с такими красивыми платьями, что все завидовали!

Ира айкнула, уколов палец, бабушка улыбнулась.

— Учись-учись, сначала куклам будешь шить, потом себе. Всегда пригодится.

Пока Ира возилась с нарядом для Барби, Анюта занималась праздничным столом. Она придумала рисовать блюда на бумаге, а потом вырезать их. На взгляд Иры, они у сестры получались совершенно одинаковыми, похожими на разноцветные кляксы, но Анюта безошибочно определяла, где что изображено, и не давала ничего переделывать.

Было решено, что сама свадьба пройдет в их комнате, а в медовый месяц (без него никак) Барби с Кеном поедут на море. Для этого в сарае, куда на зиму убирали садо-

вую мебель, качели, гамак и хранили инструменты деда, устроили «морской уголок»: наклеили на стену рисунок, изображающий волны, солнце и пальму, а на пол насыпали песок. Перед сном, лежа в кроватях, сестры вполголоса обсуждали детали предстоящей свадьбы: кого из соседок по даче позвать на торжество, какие подарки те должны принести и достаточно ли для обручальных колец использовать проволоку, или стоит приклеить сверху кусочек стекла вместо бриллианта.

— Брачная ночь у них будет? — поинтересовалась как-то Анюта.

— Конечно, — ответила Ира.

— А что они будут делать? — задала сестра еще один вопрос.

О брачной ночи Ира знала все — на свой прошлый день рождения ее одноклассница Ритка продемонстрировала гостям процесс на кукле и плюшевом медведе. Ритка уверяла, что именно так и происходит у взрослых, она какую-то кассету смотрела. Ира поверила подруге, хотя сомнения у нее остались, Ритка всегда любила приврать. Сначала девочка хотела подробно ответить на вопрос сестры, но потом решила, что лучше поступить иначе.

— Маленькая ты еще, потом узнаешь, — проговорила Ира и демонстративно перевернулась на другой бок, давая понять: на сегодня разговор окончен. Пусть Анюта помучается.

В последнюю очередь взялись за мебель для кукол. Ее больше недели клеили из картона. Даже дед подключился к делу, подсказывал, как лучше завернуть углы, где сильнее зажать и в какой цвет покрасить. Как-то вечером перед ужином торжественно преподнес внучкам сколоченную из деревяшек игрушечную кровать, с улыбкой объявив, что это его подарок молодоженам. Еще несколько дней бабушка с внучками шили крошечные подушки, постельное белье и одеяла. Только спустя годы Ира поняла, что кукольная свадьба так много значила для нее, потому что первый раз они вчетвером что-то делали вместе. И взрослые, и дети были увлечены одной идеей и воплощали ее в жизнь на равных. Включившись в игру, бабушка словно снова стала маленькой девочкой, которую тяготы жизни еще не ожесточили, а дед сбросил свою обычную личину безразличия ко всему вокруг. Даже Анюта на время подготовки к кукольной свадьбе оставила свои обычные капризы и стала той сестрой, которую Ире всегда хотелось иметь.

К тридцатому июня все было готово. Барби в белом накрахмаленном платье и кружевной фате с искусственным цветком из старой броши в волосах сидела на игрушечной кровати, заправленной ярко-синим в белый горох покрывалом. Рядом, вытянувшись по стойке смирно, прислоненный к стене, стоял Кен. Ему по настоянию Иры соорудили из картона цилиндр, а по прихоти Анюты шею украсили пышным жабо. Гости — остальные игрушки — были рассажены полукругом возле накрытого нарисованными блюдами стола. Последний штрих — Ира поставила в центр стеклянный флакончик из-под духов с воткнутыми туда тремя аптечными ромашками.

Планировалось, что торжество начнется около полудня, но вечером накануне свадьбы кукол неожиданно приехали родители Анюты, собираясь остаться на все выходные. Они захотели с утра пойти с дочкой купаться на озеро.

— У нас же свадьба! — напомнила Ира.

Анюта растерянно переводила взгляд с родителей на двоюродную сестру.

— Ой, ну потом поиграете, — ответила на это ее мама, — куда ваши куклы не денутся.

Пришлось Ире бежать к соседским девочкам, переносить все на три часа.

На следующее утро родители Анюты встали поздно, на озеро ушли ближе к полудню. Иру тоже звали с собой, но бабушка не отпустила. Старшая внучка должна была помочь ей по дому, а потом прочитать две обязательные ежедневные главы «Приключений Тома Сойера». Ира механически произносила вслух слова, стремясь быстрее

завершить свою литературную повинность. Все ее мысли были о предстоящей кукольной свадьбе: нужно до прихода гостей все еще раз проверить, заменить цветы на свежие и, если Анюта согласится, убрать со стола оранжевую кляксу, которая изображала запеченную курицу.

К обеду двоюродная сестра с родителями не пришли. Ира уже переделалась в нарядное платье, расчесала свои подстриженные до плеч волосы и убрала пряди со лба украшенным искусственными жемчужинами ободком. Время приближалось к трем. Появились соседские девочки со своими игрушками. Ира не знала, как поступить. Начать игру без Анюты нельзя, ведь куклы ее, да и нехорошо это, сестра так ждала этого дня. Но если они в ближайшее время не начнут игру, подружек позовут по домам, и все дни подготовки пойдут прахом.

Точку в размышлениях поставила бабушка, строго проговорив:

— Нечего вам в такую хорошую погоду в доме сидеть, во дворе гуляйте.

Соседские девочки были явно разочарованы. Они недолго покачались на качелях и ушли. Ира в своем нарядном платье села на ступеньку крыльца. Она не двинулась с места, пока, уже в сумерках, ее двоюродная сестра со своими родителями не вернулась домой. Они втроем весело переговаривались, заметив Иру на крыльце, замерли.

— Ты чего тут сидишь? — спросил отец Анюты.

Девочка ему не ответила. Она смотрела только на двоюродную сестру.

— Ты испортила свадьбу кукол, — дрогнувшим голосом произнесла Ира.

Она ожидала, что Анюта расстроится, заплачет, станет извиняться. Но на лице девочки отразилось лишь недоумение. «Она забыла о свадьбе!» — поняла Ира. Целый месяц подготовки, волнения, споры, вечера, когда они вместе с бабушкой и дедом мастерили мебель из картона и шили платье для Барби, — для Анюты это все ничего не значило! От этой мысли у Иры перехватило дыхание. Выкажи Анюта сожаление, она бы хоть и расстроилась из-за испорченного дня, но поняла бы сестру. Но такое безразличие ранило сильнее всего. То, что для Иры было таким важным, Анюта просто выкинула из головы за несколько часов у озера.

— Вы где так долго были? — раздался от входной двери голос бабушки.

— После озера на станцию пошли, в кафе зашли, — ответила мама Анюты. Она пошла к крыльцу, мимоходом потрепала по волосам Иру. — Мы арбуз купили, пошли его есть.

Ира поднялась и действительно прошла в дом. Но не на террасу, а в их с Анютой комнату. Свет она не включала: и без этого знала, что в углу стоит стол из картона с нарисованной едой, а на игрушечной кровати сидит прекрасная невеста, чья свадьба так никогда и не состоится. Девочка опустила на колени. Начала она со стола — разорвала в мелкие клочья праздничные блюда из бумаги, потом смяла картонную мебель. Флакон из-под духов с цветами швырнула под кровать. Сорвала с Кена парадный цилиндр и сдернула жабо. Последней взялась за Барби. Фата порвалась легко, а вот платье поддалось не сразу, все-таки Ира хорошо сшила вместе кусочки ткани, но под ее нажимом нитки треснули. Девочка смяла бывшее свадебное платье в комок, а голую куклу уложила поверх учиненного погрома. Потом она подползла к кровати и, уткнувшись лицом в матрас, разрыдалась. Конечно, Ире потом влетело, но она этого совершенно не помнила. Зато и спустя много лет гулко отзывалась боль той давней обиды. Иначе как объяснить, что сейчас, двадцать шесть лет спустя, она припомнила двоюродной сестре именно ту несостоявшуюся кукольную свадьбу?

Ира дошла до озера. Недолгий ноябрьский день уже угас, кромка воды едва угадывалась в наступившей темноте. Начал накрапывать дождь. Ира натянула на голову капюшон, засунула руки в карманы куртки. Она повела себя глупо, нельзя было позволять эмоциям брать верх. Поразительно, как присутствие двоюродной сестры за несколько

ко дней превратило ее из уравновешенной взрослой женщины в обиженного ребенка! Ира думала, что давно прожила те чувства, забыла, простила. Если бы ее спросили, она, не кривя душой, сказала бы, что не держит обид на своих близких. Они поступали так, как считали лучше, и желали ей добра. Отчего же она не может забыть Анюте ту давнюю историю?

Ира прошла до поваленного дерева, у которого летом часто устраивали пикники все местные дачники. Провела рукой по стволу — мокрый. Засомневалась на минуту, но все-таки села. Все равно легинсы, в которых она выбежала из дома, уже запачканы. Ира когда-то пыталась рассказать Косте историю со свадьбой кукол, он не понял. В чем проблема, перенесли бы все на другой день? Ира так и не смогла объяснить ему: дело было не в самой игре, а в том, что, готовясь к кукольной свадьбе, она впервые за все свое детство не чувствовала себя обделенной. Между ними с Анютой не лежала обычная пропасть, она ощущала заинтересованность бабушки и деда и знала: на этот раз она заслужит их похвалу. Анюта не просто пропустила игру. Она напомнила двоюродной сестре о ее месте в семейной иерархии, и это ощущение — я тут лишняя, меня не любят, я всем мешаю — Ира помнила и много лет спустя.

Позади женщины хрустнули ветки. Кто-то шел по тропинке к озеру. Только сейчас Ира поняла, что ушла из дома, никому не сказав, куда собирается, и даже телефон с собой не взяла. Если нападут, обороняться ей нечем. Остается только бежать в сторону ближайшего дома.

Она подскочила и уже хотела кинуться прочь, когда услышала голос двоюродной сестры:

— Так и знала, что ты здесь.

Подсвечивая себе айфоном, Анюта подошла к ней. В темноте выделялись ее светлые брюки и белые кроссовки. Не заботясь об их чистоте, сестра опустилась на поваленное дерево. Ире пришлось сесть рядом. Она раздумывала, как себя вести. Стоило бы извиниться или, лучше, сделать вид, будто ничего не произошло, и завести разговор на нейтральную тему. Но Анюта заговорила первой.

— Прости меня, — сказала она. — И за незваный приезд, и за свадьбу кукол.

Сестра помолчала немного, ожидая ответных слов, но Ира не могла заставить себя ничего произнести. Тогда снова раздался голос Анюты:

— Я так ждала ту свадьбу, столько раз мысленно представляла, как все будет. Извела в тот день родителей, чтобы мы быстрее домой вернулись. А им на станцию нужно было... Я всю обратную дорогу старалась идти как можно быстрее, почти бежала, а потом увидела тебя... Ты так зло на меня посмотрела, и я подумала — ты злишься, что я шла недостаточно быстро. Когда же увидела порванное платье Барби и сломанную мебель, поняла: ты меня никогда не простишь. И ты не простила.

Ира с трудом заставила себя ответить:

— Я злилась не на тебя. Точнее, на тебя тоже, но за другое. И сегодня я не должна была все это говорить, просто устала: вирус этот проклятый, локдаун, нервы...

— Ты отлично справляешься, — сказала Анюта.

Ира вздрогнула. Сколько раз она хотела услышать эти слова от бабушки с дедом, родителей, мужа, друзей, коллег по работе. А произнесла та, от кого их этого меньше всего ожидаешь. И что теперь? Попросить прощения в ответ? Сказать сестре нечто приятное? Уверить, что все обиды в прошлом и теперь все начнется с чистого листа? Вряд ли такое возможно. Они по-прежнему два совершенно разных человека, которых объединяют лишь общие детские воспоминания. Но Анюта ждала ответа.

— Нужно найти тебе нормальную обувь, — сказала Ира наконец. — Ноги небось совсем мокрые.

Они не сразу пошли домой. Но пока сидели рядом и смотрели на озеро, Ира уже строила планы на завтра.